

ШЕВЫРЁВ Степан Петрович (1806-64), рус. поэт, критик, историк и теоретик лит-ры, участник журналов 'Московский вестник' (1827-30), 'Московский наблюдатель' (1835-37), 'Москвитянин' (1841-45); осн. теоретик 'любомудров', в поздние годы - деятель правого крыла славянофильства (см. Славянофилы). Имя Ш. знал Л. уже в пансионские годы; Ш., сам окончивший Пансион, был, как и Л., участником кружка С. Е. Раича. В 1828 Л. обращается к переведенной Ш. вместе с В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым книге В. Г. Ваккенродера и Л. Тика 'Об искусстве и художниках' [1826; см. 'Поэт' ('Когда Рафаэль вдохновенный')]. Непосредств. источником знакомства Л. со стихами и критич. выступлениями Ш. был журн. 'Московский вестник'. В 1829 Л. предполагал включить в свое либретто 'Цыгане' 'Цыганскую песню' Ш. (1828, без подписи); в том же году в стихотв. повести 'Преступник' он использовал мотивы и отд. стихи 'Русской разбойничьей песни' Ш. (1828). Обращение к ней, очевидно, не случайно: Ш. пропагандировал в 'Московском вестнике' нар. поэзию, в т. ч. разбойничью песню, Л. же в 1829-31 создал ряд баллад, ориентированных на фольклорную разбойничью балладу, - 'Атаман', 'Воля' и др.; в них он пытался найти и ритмич. эквиваленты нар. стиху (см. Фольклоризм), что характерно и для 'Русской разбойничьей песни' Ш. Лермонт. 'Чаша жизни' (1831) соприкасается со стихами Ш. 'Две чаши' (1826). Возможно, что Л. в 1829 имел представление о личности и лит. позиции Ш.: существует предположение, что 'Романс' Л. ('Коварной жизнью недовольный', 1829) написан по случаю отъезда Ш. в Италию; отъезду предшествовала резкая полемика Ш. с Ф. Булгариным, намек на которую можно видеть в тексте 'Романса'.

В 1841 Ш. выступил с критич. отзывом о 'Герое нашего времени'. Отмечая 'решительный и разнообразный' талант Л. и отводя ему первое место в рус. лит-ре после пушкинского периода, Ш. со славянофильских позиций отвергает тип Печорина как продукт далеко зашедшей 'болезни века' - материализма и скептицизма, гордости и пресыщенности, к-рыми, согласно Ш., страдает зап. цивилизация. Россия, по его мнению, избежала этих органич. пороков Запада, и Печорин поэтому 'не имеет в себе ничего существенного относительно к чисто русской жизни, к-рая из своего прошедшего не могла извергнуть такого характера'; он 'призрак, отброшенный на нас Западом', призрак, в к-ром, однако, угадана 'реальная угроза для русской жизни'. Печорину Ш. противопоставляет Максима Максимыча, 'коренного русского добряка', 'в к-рого не проникла тонкая зараза западного образования'. Ш. возражал и против эстетич. концепции романа, к-рая, по его мнению, основана на изображении зла (образ Печорина), низведенного до низкой действительности, в то время как зло, будучи нравственно безобразно, м. б. главным предметом изображения только в 'идеальных типах' (Фауст, Дон Жуан). Значит. внимание Ш. уделил проблеме изображения Кавказа как арены борьбы 'дикости' и 'цивилизации'.

В том же 1841 Ш. опубликовал рецензию на 'Стихотворения' (1840) Л., где определил их как произв. необыкновенного, подающего 'прекрасные надежды', но еще неразвившегося таланта, нередко подражающего А. С. Пушкину, Е. А. Баратынскому, В. А. Жуковскому, В. Г. Бенедиктову и др. ('протеизм'). Черты самобытности, 'особенную личность поэта' Ш. усматривал лишь в лирике природы ('Дары Терека', 'Три пальмы', 'Когда волнуется желтеющая нива'), дружбы ('Памяти А. И. Одоевского'), в религиозных (две 'Молитвы' - 'Я, мать божия' и 'В минуту жизни трудную') и 'фольклорных' ('Казачья колыбельная песня' и особенно 'Песня про ... купца Калашникова') стихах Л.; к 'Песне' Ш. возвращался и позже, находя в ней верное отражение 'чувства нашей древней семейной чести' и зародыш будущей нац. драмы из нар. быта. Как и ранее, Ш. отвергал бунтарское начало ('Мцыри') и 'мечты отчаянного разочарования' ('Дума' и 'И скучно и грустно') в поэзии Л.

Непосредств. ответ на выступления Ш. содержится, по-видимому, в предисловии Л. ко 2-му изд. 'Героя...' (1841); современники рассматривали как такой ответ и самый факт передачи Л. в 'Москвитянин' стих. 'Спор' (1841), где развертывалась намеченная Ш. проблема борьбы 'дикости' и 'цивилизации' на Кавказе. Это стих. Ш. оценил в 1843 как одно из лучших у Л. На гибель Лермонтова Ш. откликнулся стих. 'На смерть поэта' (1841) с характерной концепцией корыстного и бездушного века, губящего прекрасное.

Жесткость и преуменьшение оригинальности Л. усматривали в разборах Ш. даже близкие ему литераторы - А. С. Хомяков, П. А. Вяземский; последнему Ш. ответил 15 дек. 1841: 'Лермонтова ценить я умел: выразил я его и в своих разборах и в моем стихотворении'. Статьи Ш. в значит. степени были направлены против 'партии' 'ОЗ' и оценок В. Г. Белинского. Свою позицию Ш. подтвердил в статьях 1842 (где, однако, усилил ряд оговорок: об оригинальности лермонт. таланта, не успевшего развернуться во всей самобытности; о Л. как преемнике Пушкина, как о 'самом верном и ярком отблеске' 'великого гения') и особенно в статьях 1843, где, в частности, поставил 'Спор' выше 'Мцыри' и 'Демона' и полемизировал с Белинским и 'ОЗ'. Со временем Ш. все больше склонялся к восприятию Л. как главы